

Иван Леонтьевич Щеглов

**Корделия. Миньона.
Петербургская идиллия.
Кожаный актер. Проводы.
Мир праху**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Щ33

Щ33 **Щеглов И.**
Корделия. Миньона. Петербургская идиллия. Кожаный актер. Проводы. Мир праху / Иван Леонтьевич Щеглов – М.: Книга по Требованию, 2025. – 380 с.

ISBN 978-5-521-38821-9

ISBN 978-5-521-38821-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

радство растаяло быстрѣе снѣжнаго хлопка: я былъ изумленъ, восхищенъ... почти влюбленъ.

«У ней былъ нѣжный, милый, тихій голосъ —
Большая прелесть въ женщинѣ»...

Выразился Лиръ о Корделии. Къ этому опредѣленію мнѣ остается только добавить, что у г-жи Нейгофъ были большіе, черные глаза, глядѣвшіе зорко, какъ маяки, и какое-то неуловимое благородство общаго тона, рѣзко отдѣлявшее ее отъ прочихъ ученицъ, скандовавшихъ стихи буднично и неодушевленно, точно прописи. Съ первыхъ строкъ роли:

«Я такъ несчастна...

Моя любовь не скажется словами.

Я, государь, люблю васъ такъ, какъ мнѣ

Мой долгъ велить — не больше и не меньше»...

Съ первыхъ же строкъ, произнесенныхъ мягкимъ, груднымъ, немного слабымъ голосомъ, точно свѣтлый духъ Шекспировской Корделии невидимо прошелестилъ между нами — до того правдиво и задушевно прозвучалъ этотъ вызовъ... И чѣмъ далѣе, тѣмъ обаяніе росло все болѣе и болѣе. Я тогда не давалъ себѣ отчета — было ли то проникновеніе истиннаго таланта, или просто случайное совпаденіе настроенія съ изображаемымъ типомъ, — для меня, двадцати-двухлѣтняго юноши, въ ту минуту было ясно одно: что передо мной стоитъ необыкновенно прекрасная дѣвушка, которая говоритъ необычно-

венно прекраснымъ голосомъ необыкновенно прекрасные стихи... Мало-по-малу я очутился совершенно во власти этого голоса и этихъ стиховъ... Низкій и полутемный залъ вдругъ просвѣтлѣлъ и широко раздвинулся; учениковъ и ученицъ уже нѣтъ, а это—все придворные кавалеры и дамы, составляющіе королевскую свиту и я съ удивленіемъ замѣчаю, какъ на профессорской лысинѣ Добродѣева сверкаетъ великолѣпная корона и онъ самъ, уже не Пепочка Добродѣевъ, монотонно подающій свои реплики, а сѣдобородый и строптивый Лиръ, громащій съ высоты трона бѣдную Корделію. А ни въ чемъ неповинная, опечаленная Корделія стоитъ тутъ же, около трона, и, обливаясь слезами, прощается съ сестрами:

«Заботьтесь объ отцѣ:

Его вѣряю вамъ я»...—умоляетъ она—

«Но еслибъ онъ

Меня любилъ, ему бы я нашла

Пріютъ, быть можетъ, лучшій...»

Тутъ уже я ничего не различаю, потому что слезы застилаютъ мнѣ глаза... Но вотъ по залѣ проносится одобрительный шопотъ, и я просыпаюсь отъ моего театрального сна... Г-жа Нейгофъ кончила и трепещущая, раскраснѣвшаяся стоитъ передъ господиномъ профессоромъ въ ожиданіи рѣшенія своей участи. Господинъ профессоръ—іезуитъ какихъ немного—не торо-

пясь, снимаетъ золотые очки, аккуратно закрываетъ книгу и тономъ, какимъ безучастные прокуроры даютъ свои заключенія, произноситъ:

— Вы очень и очень недурно декламируете стихи... Я не впаду въ преувеличеніе, если скажу, что у васъ есть задатки. Скажу болѣе, я даже увѣренъ, что путемъ неустанной практики, путемъ изученія высокихъ образцовъ и строгой работы надъ собой, вы можете придти къ весьма солиднымъ результатамъ. Повторяю еще разъ—вы премило прочли Корделію, премило! слюбезничалъ Добродѣевъ, возвращая «Корделіи» книгу и давая тѣмъ понять, что экзаменъ кончился:

— Merci! опять чуть слышно прошептала Нейгофъ, опустила растерянно руку въ карманъ за платкомъ, выронила портмоне и окончательно сконфузилась. Въ мгновеніе ока я очутился около нея и поднялъ портмоне. Она мягко улыбнулась, поблагодарила и вскорѣ исчезла изъ залы такъ же незамѣтно, какъ сначала появилась. Но впечатлѣніе, оставленное ею, было неизгладимо и съ той минуты, какъ она ушла, для меня пропалъ всякій интересъ къ дальнѣйшимъ драматическимъ испытаніямъ.

Равнодушно внималъ я, когда къ столу подошла маленькая стриженная ученица, прозванная въ школѣ «лысымъ зайцемъ», и торопливо, почти однимъ духомъ прошепелявила знамени-

тый монологъ Іоанны д'Аркъ: «Простите вы, холмы, поля родныя!» Равнодушно лицедрѣлъ я, вслѣдъ за «лысымъ зайцемъ», Пушкинскую «Русалку», воспроизведенную съ огромнымъ турнюромъ и рѣзкимъ польскимъ акцентомъ нѣкоей г-жей Вильчинской — напудренной дамой, находящейся въ разводѣ съ мужемъ и ревновавшей къ лаврамъ Ѳедотовой и Ермоловой. То же похвальное равнодушіе сохранилъ я и къ послѣдовавшей затѣмъ «сценѣ у фонтана», разыгранной съ настойчивымъ удареніемъ на о и притоптываніемъ каблуками въ сильныхъ мѣстахъ, съ тою же г-жей Вильчинской, Кузьмою Блошенко, двадцати-двухлѣтнимъ донскимъ казакомъ, прибывшимъ съ Дона съ предвзятою цѣлью — «насобачиться театральному дѣйствію», какъ онъ самъ благодушно признавался въ товарищескомъ кружкѣ.

Но чаша моего терпѣнія, наконецъ, переполнилась, когда на сцену появился мой сосѣдъ и однокурсникъ, Меморандовъ, имѣвшій слабость изводить публику безконечными отрывками изъ Шекспировскихъ трагедій. Это былъ уже молодой человѣкъ, чрезвычайно высокаго роста, съ превосходными усами, но совсѣмъ безъ бровей, безнадежно брившій свой подбородокъ, тобъ сохранить посильную иллюзію въ роляхъ «первыхъ любовниковъ». Читалъ онъ раздражающе монотонно, съ какими-то необъяснимыми под-

черкиваніями, почерпнутыми имъ у одного нѣмецкаго трагика, котораго ему случилось видѣть въ ранней юности. На этотъ разъ Меморандовъ рапортовалъ монологъ Отелло передъ венеціанскимъ сенатомъ. Въ моихъ ушахъ до сихъ поръ отдается это уныло-однообразное гудѣніе:

«Она меня за мукки полюбила,
А я ее за состррраданье къ нимъ»...

Что еще болѣе меня возмущало въ данномъ случаѣ — это отношеніе Добродѣева. Другой, на его мѣстѣ, при подобной декламациі, вскочилъ бы со стула, хлопнулъ книгой и Богъ знаетъ чего бы наговорилъ, а онъ — какъ ни въ чемъ ни бывало — сниметъ и протретъ не торопясь свои очки и со своей обычной улыбочкой проямлитъ: «Я погрѣшилъ бы противъ истины, еслибы сталъ утверждать, что ваша дикція вполне совершенна. Но это, однако, не отнимаетъ у меня права надѣяться, что путемъ неустанной работы и изученія высокихъ образцовъ въ современемъ достигнете той точки, когда»... и т. д., и т. д., — словомъ, очевидной бездарности почти то же, что и безспорному дарованію. Правда, благодаря этой дипломатической манерѣ, онъ завербовалъ себѣ много поклонниковъ и еще болѣе поклонницъ, — по преимуществу дутыхъ самолюбій, щекотливыхъ къ малѣйшему намеку на обличеніе; но за то бѣдное искусство оста-

валось при пиковомъ интересѣ. Въ особенности мнѣ было обидно за талантливую Нейгофъ. Вотъ кого, казалось мнѣ, слѣдовало отличить, ободрить, согрѣть сочувственнымъ словомъ—дарованіе тутъ просвѣчивалось явно, само собой... Даже Миша Толоконниковъ, тотъ самый Миша Толоконниковъ, который, случайно прочитавъ Шекспировскаго «Гамлета», глубокомысленно повѣдалъ намъ: «Что, на его взглядъ, это положительно недурная штука!» и который считался въ школѣ образцомъ узколобія и безтолковщины, даже тотъ почувствовалъ чтеніе Нейгофъ.

— Вотъ это дакъ такъ!.. шепнулъ онъ мнѣ на ухо, дабы не возбудить злословія сосѣдей.— Есть что-то, понимаешь, эдакое... ну, ты меня понимаешь?

Я, разумѣется, его понималъ; ничего не понималъ только почтеннѣйшій Добродѣевъ, который и процѣдилъ вмѣсто теплаго напутствія свое казенное: «Очень мило».

О, я весь горѣлъ теперь желаніемъ еще разъ скорѣй увидѣть эту таинственно скрывшуюся Корделію и высказать ей мой юношескій восторгъ.

Я жилъ въ то время на Петербургской сторонѣ и совершалъ мое путешествіе къ центру города, гдѣ помѣщалась школа, въ коротенькомъ пузатомъ дилижансѣ, слывшемъ подъ прозви-

щемъ «кукушки» и являвшимся въ страдную пору мокрогоподолицы и разводки мостовъ настоящимъ благодѣяніемъ. Дѣло было осенью, мокротень стояла убійственная и, по окончаніи занятій, я направился къ Дворцовой площади, къ мѣсту стоянки спасительныхъ «кукушекъ».

Каково же было мое удивленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ радость, когда въ глубинѣ полутемной «кукушки» я различилъ знакомую стройную фигуру... мою таинственную Корделію. Въ бархатной, ловко стянутой шубкѣ, хорошенькой бобровой конфедераткѣ, надѣтой чуть-чуть на бокъ, изящная, щеголеватая, гордо цвѣтущая, она, казалось, все освѣщала вокругъ себя: и скучливый, пасмурный день, и убогую внутренность дилижанса, и двухъ коричневыхъ старушекъ съ узлами, примостившихся у самого входа...

М-lle Нейгофъ меня узнала и мы очень скоро разговорились. Первымъ дѣломъ я, разумѣется, выразилъ г-жѣ Нейгофъ мое искреннее восхищеніе по поводу ея превосходной декламации. Слушая мои восторженные похвалы, она очень мило волновалась и, по окончаніи восторговъ, тревожно вскинула на меня свои чудесные черные глаза.

— А какъ вы думаете, скоро поставятъ «Короля Лира»? спросила она. — Мнѣ хотѣлось бы поскорѣй выступить на сценѣ... ужасно хотѣлось бы поскорѣй!..

Я былъ умиленъ этой женской наивною и деликатно намекнулъ ей, что осуществленіе ея желанія мыслимо лишь въ очень отдаленномъ будущемъ, такъ какъ средства нашей школы позволяютъ ставить лишь небольшіе отрывки пьесъ и то такихъ, которыя не требуютъ особенной обстановки.

Нейгофъ это извѣстіе явно огорчило и, какъ видно, немного раздражило.

— Вы знаете, вѣдь я была сначала на курсахъ пѣнія, заговорила она дѣтски-обиженнымъ тономъ: — у Корси... У меня очень недурное контральто... Я вѣдь только оттого и вышла, чтобы перейти въ драму. Мнѣ это посовѣтовала Надежда Николаевна... Синеокова... Она положительно увѣрена, что я здѣсь скорѣе чегонибудь добьюсь. Вы не знаете развѣ Синеоковой?

— Нѣтъ, не знаю.

— Извѣстная любительница... Ее въ Петербургѣ всѣ знаютъ. Она въ прошломъ году играла въ пользу какихъ-то слѣпыхъ «Нищіе духомъ» и произвела просто фуроръ. Я не видѣла, но тамап говоритъ, что удивительно. Вотъ Надежда Николаевна мнѣ и посовѣтовала перейти въ вашъ кружокъ. Какъ вы думаете, это хорошо, что я перешла?

Я, разумѣется, сталъ увѣрять ее, что она не могла ничего лучшаго придумать, какъ перейти

въ драму, такъ какъ ея чтеніе Корделіи обличаетъ въ ней недюжинный талантъ; но въ то же время не счелъ нужнымъ скрывать настоящее положеніе дѣлъ: кружокъ существуетъ всего третій годъ, членовъ немного и средства школы крайне скудны. Кромѣ того директоръ и основатель «Кружка Друзей Театраловъ», Авениръ Васильевичъ Неупокоевъ, держится исключительно стариннаго репертуара и этимъ отвлекаетъ отъ спектаклей платную публику; вообще, человекъ совсѣмъ не практическій, помѣшанный на французскомъ репертуарѣ и слѣпо довѣряющій во всемъ своему пріятелю и однокашнику Петру Ивановичу Добродѣеву. Петръ же Ивановичъ или, какъ его окрестили ученицы школы—«Пепочка»—уже по самой своей комплекціи мало расположенъ къ движенію, и вотъ отчасти причина, почему за три года дѣла кружка такъ мало подвинулись впередъ. Впрочемъ, Пепочка взялся за профессуру исключительно по добродушію и изъ пріязни къ Неупокоеву, такъ какъ, по офиціальному положенію, онъ отставной интендантскій маіоръ и упражнялся на подмосткахъ лишь въ ранней молодости. Во всякомъ случаѣ, утѣшилъ я ее, «Кружокъ Друзей Театраловъ» — учрежденіе далеко не безполезное, потому что ученическіе спектакли собираютъ прессу и литераторовъ, и мало-мальски выдающееся дарованіе имѣетъ всѣ шансы быть

замѣченнымъ. Конечно, и здѣсь не безъ интригъ, но гдѣ ихъ не бываетъ! заключилъ я меланхолично, наканунѣ еще обойденный главной ролью въ предстоящемъ спектаклѣ.

— Какимъ же образомъ вы попали въ этотъ коварный кружокъ? улыбнулась Нейгофъ.

Я тоже улыбнулся.

— Просто... по объявленію въ газетахъ прочелъ какъ-то, что въ городѣ Санктъ-Петербургѣ въ такой-то улицѣ, въ такомъ-то домѣ изготавляютъ превосходныхъ актеровъ и какъ только прочелъ, сейчасъ же бросилъ гимназію, отца и мать и прилѣпился къ искусству...

— А вы сами не петербургскій?

— Нѣтъ, я южанинъ, керченскій уроженецъ... Родители, разумѣется, были противъ такого шага, какъ всѣ родители; въ особенности отецъ— тотъ совсѣмъ на меня ожесточился: хотѣлъ чуть ли не проклясть... Еслибы не помощь матушки, такъ я бы могъ очутиться совсѣмъ въ безвыходномъ положеніи!..

Моя спутница подняла на меня большіе, удивленные глаза.

— И вы все это перенесли изъ любви къ театру?

— Вдвое бы перенесъ, еслибы это было необходимо, чтобъ поступить на сцену... Театръ въ настоящее время для меня все—вся цѣль, вся радость жизни. Вамъ, конечно, можетъ быть